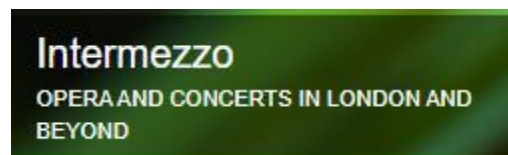

[Dmitri Hvorostovsky returns to Wigmore Hall - Intermezzo \(typepad.com\)](http://typepad.com)

14 Jun 2010

Dmitri Hvorostovsky returns to Wigmore Hall

Dmitri Hvorostovsky / Ivori Ilja - Wigmore Hall, 11 June 2010

Tchaikovsky *Again, as before, alone, The nightingale, The heroic deed, I opened the window, Don Juan's serenade*
Rachmaninov *The dream, She is as lovely as the noon, Sing not to me, beautiful maiden, Oh no, I beg you, forsake me not*
Tchaikovsky *Reconciliation, A tear trembles, None but the lonely heart, The fearful moment*
Rachmaninov *When yesterday we met, In the silence of the secret night, He took all from me, Christ is risen*
Encores: **Tchaikovsky** *Sred' shumnogo bala (In the Midst of the Ball), Serenade,* **Rachmaninov** *Ja byl u nei (I was with her)* (I'm not 100% sure of these, so if you know better, please let me know)

It's now twenty years since Dmitri Hvorostovsky made his Wigmore Hall debut. This recital, dedicated to the recently-deceased mezzo Irina Arkhipova, followed the same programme as that first one ([according to his record company at least](#)). But the mood was hardly celebratory. Bottom-of-the-vodka-bottle Russian melancholy underlay every one of his Tchaikovsky and Rachmaninov songs.

By his usual standards, it was unusually gloomy programming. These days, if he's not playing out-and-out pop, Hvorostovsky usually leavens his big-hall programmes with lighter material, lifting spirits by shamelessly playing to the crowd. Nose-to-nose with a discriminating audience in the shoebox Wigmore, his inner showman was at a disadvantage, reduced to the odd winning grin between songs. Acknowledging the seriousness of the enterprise, gone were the eye-wateringly tight pants and loltastic girlie blouses, in their place the serious recitalist's bow tie and tuxedo.

Perhaps because Wigmore tickets are sold to annual members first and casual buyers later, there weren't the usual crowds of cheering fans packing the front rows either. The house manager asked the audience at the start not to applaud between songs, but the request was unnecessary. The temple of song was barely sullied even by the usual coughing - the atmosphere was one of pindrop reverence. So perhaps it was not that surprising that Hvorostovsky seemed, if not exactly nervous, then perhaps more tentative than I've heard him before.

No problems with the voice. The effort he puts into his very top notes becomes more apparent as the years pass, but the rest is pure chocolatey goodness. His ability to unfurl a line is second to none but it's never at the expense of text. Unlike most singers of Russian, even native ones, his diction is clear enough for even a lousy speaker like me to follow. Words are carefully shaped and weighted, yet without exaggeration. And the technique is staggering. A perfect messa di voce completed *She is as lovely as the noon*. *In the silence of the secret night* ended with a note sustained not quite to the point of vulgarity, but enough to draw a gasp from the audience. And in Ivori Ilja he had the ideal partner, with the skill to illuminate Rachmaninov's accompaniments and an exquisite sense of balance.

Yet there was something missing, and it became apparent only in the second of his three encores, Tchaikovsky's *Serenade*. Every note in a recital must of course be carefully planned. But it should sound utterly spontaneous, and this is where Hvorostovsky's weakness lay. Only with this penultimate number, an hour and half after he started, did Hvorostovsky finally let go. For all his technical and communicative gifts, it was the first time all night he'd sounded completely inside a song.

Hvorostovsky's scrupulously-maintained Facebook page includes [a brief video of the rehearsal](#).

1 Comment

That's a pretty accurate review, IMHO. There was definitely something missing, and he didn't seem to have the measure of how to work the intimate space either - everything was LOUD (and we were sitting three quarters of the way back).

Otherwise it was beautifully sung, and he never fails to impress me with that fabulous breath control.

Posted by: Ruth | 14 June 2010 at 04:17 P

Дмитрий Хворостовский возвращается в Вигмор Холл

Дмитрий Хворостовский / Ивари Илия – Вигмор Холл, 11 июня 2010

Чайковский Снова, как прежде, один; Соловей; Подвиг; Растворил я окно; Серенада Дон Жуана

Рахманинов Сон; Она, как полдень, хороша; Не пой, красавица, при мне; О нет, молю, не уходи

Чайковский Примирение; Слеза дрожит; Нет, только тот, кто знал; Страшная минута

Рахманинов Вчера мы встретились; В молчаньи ночи тайной; Всё отнял у меня; Христос воскрес

Бисы: Чайковский Среди шумного бала; Серенада **Рахманинов** Я был у ней

(Я в этом не уверен на 100%, если вы знаете лучше, поправьте меня)

Прошло уже двадцать лет с тех пор, как Дмитрий Хворостовский дебютировал в Вигмор-холле. Этот концерт, посвященный недавно скончавшейся меццо Ирине Архиповой, проходил по той же программе, что и первый (по крайней мере, по данным его звукозаписывающей компании). Но настроение вряд ли можно было назвать праздничным. Русская меланхолия на дне бутылки с водкой лежит в основе каждого романса Чайковского и Рахманинова.

По его обычным меркам, это была необычайно мрачная программа. В наши дни, если он не исполняет откровенную попсу, Хворостовский обычно оживляет свои программы для большого зала более лёгким материалом, поднимая настроение, беззастенчиво играя для толпы. Оказавшись перед разборчивой публикой Вигмора, его внутренний шоумен оказался в невыгодном положении и ограничился лишь редкой победной ухмылкой между номерами. Признавая серьёзность мероприятия, исчезли умопомрачительно обтягивающие брюки и смешные девчачьи блузки, вместо них - галстук-бабочка и смокинг серьёзного сольного артиста.

Возможно, потому, что билеты в Вигмор продаются сначала обладателям годового абонемента, а затем случайным покупателям, на первых рядах также не было обычных толп ликующих фанатов. В самом начале менеджер попросил публику не аплодировать между номерами, но эта просьба была излишней. Храм песни почти не был осквернён даже обычным кашлем - в атмосфере царило благоговение. Так что, возможно, не было ничего удивительного в том, что Хворостовский казался если не совсем нервным, то, возможно, более неуверенным, чем я слышал его раньше.

Никаких проблем с голосом. С годами становятся всё более очевидными усилия, которые он прикладывает для самых верхних нот, но всё остальное - это чистый шоколад. Его способность разворачивать строку не имеет себе равных, но это никогда не происходит в ущерб тексту. В отличие от большинства исполнителей на русском языке, даже носителей языка, его дикция достаточно ясна, чтобы даже слушатели вроде меня с совсем никудышним уровнем языка мог следить за ней. Слова тщательно подобраны и взвешены, но без нажима. А техника исполнения просто ошеломляет. Совершенное *messà di voce** завершило «Она, как полдень, хороша». «В молчаньи ночи тайной» завершилась нотой, выдержанной не совсем до вульгарности, но

достаточно, чтобы вызвать вздох аудитории. И в лице Ивари Илья у него был идеальный партнёр, обладающий мастерством озарять аккомпанемент Рахманинова и изысканным чувством баланса.

И всё же чего-то не хватало, и это стало очевидным только во втором из трёх бисов, «Серенаде» Чайковского. Каждая нота в концерте, конечно, должна быть тщательно спланирована. Но она должна звучать совершенно спонтанно, и именно в этом заключалась слабость Хворостовского. Только в этом предпоследнем номере, через полтора часа после начала, Хворостовский наконец-то расслабился. При всех своих технических и коммуникативных способностях это был первый раз за весь вечер, когда он полностью погрузился в песню.

Комментарии:

Это довольно точный отзыв, ИМХО. Определенно, чего-то не хватало, и, похоже, он не знал, как работать с ближним пространством - всё было громко (а мы сидели на три четверти от него).

В остальном, он прекрасно спел, и он не перестаёт впечатлять меня своим потрясающим контролем дыхания.

*Messa di voce (месса ди вуче, итал.) Динамическое украшение долго выдерживаемого звука, характерное для стиля бельканто. Называется также "филировкой" звука. Заключается в постепенном нарастании силы звучания от тончайшего pianissimo до мощного fortissimo и в столь же постепенном ослаблении звука до исходного pianissimo.

Перевод Н.Тимофеева